

Панславизм и национальный вопрос

Весной 1849 г. в Венгрии революция открыла новый фронт борьбы. Энгельс подробно проследил события венгерской национально-освободительной войны в ряде статей, среди которых по степени важности выделяются “Борьба в Венгрии” (январь 1849 г.) и “Демократический панславизм” (февраль 1849 г.).

В начале 1849 г. венгерская революция приобрела жизненное значение: победа Венгрии была бы победой немецкой революции, поражение же венгров нанесло бы ей удар, который предсказуемо стал бы непоправимым. Но венгры продемонстрировали невероятную способность к сопротивлению, доказав, что, хотя реакция и продолжалась, революция всё ещё имела шанс на успех там, где борьба велась упорно и мужественно. Энгельс отдаёт этому героическому сопротивлению дань уважения, в том числе проводя параллели с революционными войнами республиканской Франции и ставя лидера венгерской революции Лайоша Кошута вровень с Дантоном и Карно: *«Массовое восстание, национальное производство оружия, выпуск ассигнаций, быстрая расправа со всяким, кто препятствует революционному движению, непрерывная революция, – словом, все основные черты славного 1793 года находим мы снова в Венгрии, вооружённой, организованной и воодушевлённой Кошутом»*¹.

В этих строках Энгельса мы находим те же стратегические рамки, что и в работах Маркса о революции в Германии, но с учётом дополнительной проблематики: научный анализ ситуации на Дунае и Балканах должен был распутать целый клубок проблем, для чего было необходимо тщательно рассмотреть чрезвычайно сложные исторические, политические, языковые и этнические вопросы. Крайнее географическое ответвление европейского экономического и гражданского прогресса, Дунайский и Балканский регионы характеризовались высокой степенью неравномерного социально-экономического и политического развития: современные классы и порядки древних режимов, урбанизация и феодализм, современные нации без реального государства (немцы и венгры) и этносы без истинной национальности (южные славяне) взаимопроникали друг в друга, а в ряде случаев неразрывно сливались. Здесь труд по строительству современного буржуазного общества, начавшийся с серьёзным опозданием, натолкнулся на такой клубок нерешённых и гноящихся вопросов, который могло бы распутать только радикальное революционное движение прогрессивных классов и наций.

1848 г. предоставил возможность завершить это строительство соответствующими революционными средствами. Великая европейская революция была не только единственным лекарством, которое могло облегчить боль и сократить время вынашивания, но и представляла единственную реальную возможность разрешить эти противоречия. Доказательством этому служат 170 лет истории, начиная с неудачной попытки 1848 г., полные войн и геноцидов – плодов бессильного национализма, порождённого этим регионом, и его циничного использования великими империалистическими державами.

Следует добавить, что именно за два года 1849–1850 гг. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что буржуазия этого отсталого региона не только не смогла полностью выполнить свои демократические задачи, но даже не распутала связанное с ними решение национальных вопросов. Только великая европейская *социальная* революция, возглавляемая пролетариатом, позволила бы обеспечить истинное и полное решение национальных вопросов Центрально-Восточной Европы. Но история тогда пошла совсем другим путём и в решении основных национальных вопросов региона нашла, так сказать, свой “прусский путь”, состоящий из многих компромиссов, корректировок и долгой череды кровавых расколов, которые с наступлением эпохи империализма сделали эту местность одной из самых плодородных для создания предлогов для очередных кровавых мародёров. [...]

Необходимо было разъяснить тот факт, что не все национальные претензии можно рассматривать на одном уровне и что, в частности, претензии славянских народов империи Габсбургов (хорватов, словенцев и даже богемцев) обнаруживали себя как явный инструмент австрийского и царистского режимов.

В этом международном контексте – бурном, сложном, диалектически изменчивом и противоречивом – романтические лозунги, такие как самоопределение народов, всеобщая солидарность и т. д., оставались пустыми пожеланиями, не только бесполезными, но даже

вредными. Только холодность науки и ясное определение революционной стратегии могли прийти на помощь революционному фронту. [...]

Уже в “Манифесте” Маркс и Энгельс разъяснили, что образование нации и буржуазного национального государства является делом буржуазии, ведь *«рабочие не имеют отечества»*². Для пролетариата в этом деле было важным то, чтобы эти экономические и политические события прошли как можно быстрее и радикальнее. И именно по этой причине в Германии, как мы видели, коммунисты встали на сторону демократии и провозгласили своей задачей национальное единство и демократическую республику.

Но при решении вопроса о Дунае и Балканах стратегия оказалась вынужденной иметь дело с крайним случаем: неспособность целых народов развиваться в нации, при отсутствии ядер национальной буржуазии, которые могли бы взять на себя роль *«движущего класса»*³ (случай южных славян), сопровождалась – но при этом безо всякой географической преимущества, – развитием других национальностей, которые, напротив, находились на пороге превращения в буржуазные нации (Германия, Венгрия и Польша). Более того, эта земля несостоявшихся наций, представленных этническими австрийскими славянами, становилась главным центром пополнения армий абсолютистской реакции.

Ни при каких обстоятельствах демократический лозунг о равном праве на самоопределение не мог быть применим к данной конкретной ситуации. Тем более что поддержка всякой без разбора национально-освободительной борьбы не могла и не может считаться принципиальным вопросом для марксизма. Оценка этого многогранного сочетания факторов должна была привести к стратегическому и тактическому выбору, который должен был учитывать два обязательных момента: 1) поиск решения, наиболее благоприятного для международной стратегии пролетариата и, следовательно, 2) решения, которое благоприятствовало бы созданию классового фронта революционных наций в борьбе против сил Священного союза.

Для южных славян это могло означать и гибель *«в буре мировой революции»*⁴. Речь идёт об ассимиляции малых этнических групп и народов в единую национальную массу, что история уже знала во всех процессах формирования современных наций: *«Нет ни одной страны в Европе, где в каком-нибудь уголке нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттеснённых и покорённых нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции. [...] Таковы в Австрии панславистские южные славяне; это только обломки народов, продукт в высшей степени запутанного тысячелетнего развития. Вполне естественно, что эти также находящиеся в весьма хаотическом состоянии обломки народов видят своё спасение только в регрессе всего европейского движения, которое они хотели бы направить не с запада на восток, а с востока на запад, и что орудием освобождения и объединяющей связью является для них русский кнут»*⁵.

Жёсткие слова, но не следует забывать, что Энгельс имел дело с процессом формирования капиталистического, буржуазного общества, являющегося неизбежной предпосылкой социалистического освобождения. Эти слова, пусть и в более конкретной форме, вполне соответствуют духу “Манифеста”: *«Буржуазия всё более и более уничтожает раздробленность [...] населения. Она сгустила население [...]. [...] Независимые [...] области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплочёнными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом [...]»*⁶.

Версия “Манифеста” менее конкретна, но то, что пишет Энгельс, есть лишь его приложение к отдельному случаю. Не только в экономической области буржуазное общество при своём рождении *«источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»*⁷ (Карл Маркс, “Капитал”). То же самое можно сказать и о процессе формирования его наций и государств. [...]

Поэтому более чем оправдано определение панславизма, которое даёт Энгельс: *«Панславизм – это союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь,*

Турции для борьбы против австрийских немцев, мадьяр и, возможно, против турок. [...] Панславизм по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии, и потому он заведомо реакционен.

Эту реакционную тенденцию панславизм немедленно обнаружил двойным предательством: он принёс в жертву своей жалкой национальной ограниченности единственную славянскую нацию, доньше выступавшую на стороне революции, – поляков; он продал себя и Польшу русскому царю»⁸.

В заключение следует остановиться на борьбе против панславизма, которую вели Маркс и Энгельс, и на тезисе о “малых нациях”, а также на решающем значении этой борьбы для стратегических битв, которые вели последующие поколения марксистов. Эти наработки оказали влияние на тезисы Ленина по национальному вопросу, который никогда не был для него принципиальным, а также на выбор в пользу борьбы против тьермондистских линий и «интервенционизма левой» в войнах на Среднем Востоке, который сделал Черветто.

Май 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 176.

² - Там же. Т. 4. С. 444.

³ - Там же. Т. 6. С. 180.

⁴ - Там же. С. 179.

⁵ - Там же. С. 183.

⁶ - Там же. Т. 4. С. 428.

⁷ - Там же. Т. 23. С. 770.

⁸ - Там же. Т. 6. С. 181.